

Раздел II

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

УДК 347.5

А.В. Андреев, С.Л. Дегтярев

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЛИЦУ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ИМЯ ИЛИ ПСЕВДОНИМ

Одним из способов защиты гражданских прав является компенсация морального вреда (ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)). Данный способ в последнее время остается практически единственной возможностью для восстановления своего реноме, хотя бы психологически, если гражданин видит нарушение своего права на имя или псевдоним в сети Интернет, испытывает при этом нравственные или физические страдания (п. 5 ст. 19, ст. 151 ГК РФ).

Цифровизация общества в целом, общественных отношений в любых сферах деятельности человека не могла не затронуть гражданских правоотношений. По объективным причинам мы вольно или невольно переносим свои реальные мироощущения в сферу цифровых отношений, где формируется виртуальный мир, который уже нам начинает диктовать свои правила и законы. Фактически человечество делает в цифровое пространство свои первые шаги, как это было в свое время с покорением морских просторов и космоса, поэтому компенсацию морального вреда как один из способов защиты личных неимущественных прав гражданина можно рассматривать в качестве спасательного жилета или круга на море либо скафандра или спасательного аппарата в космосе.

Нарушение права гражданина на имя или псевдоним должно выражаться в его искажении либо использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию (п. 5 ст. 19 ГК РФ).

Действующий ГК РФ предусматривает три способа защиты гражданином нарушенного права на имя или псевдоним:

требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений (ч. 1 ст. 152 ГК РФ);

возмещения причиненного ему имущественного вреда (ст. 15 ГК РФ); компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ).

Причем право выбора одного из вышеуказанных способов защиты или использование их всех одновременно принадлежит пострадавшему гражданину.

Одновременно нарушение права гражданина на имя или псевдоним может рассматриваться в правовом пространстве как оскорбление, под которым ч. 1 ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) понимает унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Если наступление гражданско-правовой ответственности законодатель связывает с затрагиванием правонарушителем чести, умалением достоинства или деловой репутации пострадавшего, то для административной ответственности вышеуказанные нарушения должны носить общественно опасный характер, т. е. искажение либо использование имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, должно быть осуществлено одновременно в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности формах.

Публичное оскорбление составляет собой отдельный состав административного правонарушения и может включать в себя совершение оскорбления публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, которое карается наложением административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на должностных лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот тысяч до семисот тысяч рублей (ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ)¹.

При обнаружении нарушения своего права на имя или псевдоним в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, гражданин традиционно сталкивается со следующими трудностями практического характера: неизвестен автор текста; неизвестен автор самой публикации в сети Интернет (кто именно разместил этот текст); неизвестен провайдер, собственник сети, контента, допустивший разме-

¹ В 2011 году ст. 130 УК РФ утратила силу, а совершение такого деяния, как оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, было декриминализовано и в настоящее время подлежит квалификации по ст. 5.61 КоАП РФ // Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г.). – СПС «КонсультантПлюс».

щение данного текста; отсутствуют, как ни странно, прямые телекоммуникационные связи, контакты с вышеуказанными лицами и т. д. Говоря процессуальным языком, сложно установить надлежащего ответчика или ответчиков, несмотря на все предоставленные правовые возможности, например, ст. 152 ГК РФ).

В этой связи пострадавшие обращают внимание на только формирующиеся в нашем правовом пространстве цифровые права, имеющие статус международных цифровых прав: право на интернет (на доступ к сети Интернет); право на управление интернетом; право на «забвение» информации в сети Интернет и др.¹ Как мы видим, именно эти выделенные цифровые права близки по своему содержанию способам защиты, предлагаемым в ст. 152 ГК РФ. Однако даже при получении положительного судебного решения, реализация их в сети Интернет выглядит достаточно проблематичной. Мало того, что найденные пострадавшим надлежащие ответчики могут оказаться фейковыми персонажами, так еще и находиться вне российской юрисдикции.

Наиболее оптимальным вариантом защиты своего имени или псевдонима, если это связано с оскорблением личности в сети Интернет, представляется следующий. В силу того что сам пострадавший не обладает должным объемом общих и юридических знаний, технических возможностей по установлению юридически значимых обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, целесообразно сначала попытаться привлечь правонарушителя, посягнувшего на имя или псевдоним потерпевшего, к административной ответственности в порядке ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ.

Во-первых, об этом свидетельствует судебная практика, которая устанавливает, что привлечение лица к административной ответственности за оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) не является основанием для освобождения его от обязанности денежной компенсации причиненного потерпевшему морального вреда в соответствии со ст. 151 ГК РФ². Обратный порядок привлечения сначала к гражданско-правовой ответственности, а только затем к административной, может стать невозможным в силу меньшего (трехмесячного) срока привлечения к последней по сравнению со сроками исковой давности, действующими в гражданском праве.

¹ Подробнее см.: Андреев, А.В., Дегтярев, С.Л. Новые вопросы доказывания убытков в условиях цифровизации // Арбитражный и гражданский процесс. – М. : Юрист, 2021. – № 9. – СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Пункт 20 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 г.). – СПС «КонсультантПлюс».

Во-вторых, в указанном случае выбора последовательности привлечения правонарушителя к ответственности для потерпевшего значительно снижается риск проигрыша дела, так как вся доказательственная деятельность по сбору, представлению, надлежащей оценке, обеспечению и сохранности доказательств будет лежать на административном органе.

В-третьих, административный орган в административном процессе объективно с необходимостью будет доказывать обстоятельства, имеющие значение по делу о компенсации в дальнейшем морального вреда, которые в силу ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации будут иметь преюдициальное значение. В судебной практике на основании действующего законодательства определены факты, имеющие юридическое значение по рассматриваемым спорам.

Например, в соответствии с п. 1 ст. 19 ГК РФ гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и имя собственное, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. Согласно абз. 2 п. 5 ст. 19 ГК РФ при искажении имени гражданина либо при использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, гражданин вправе требовать опровержения, возмещения причиненного ему вреда, а также компенсации морального вреда.

По смыслу приведенных выше законоположений, юридически значимыми обстоятельствами по делу являются факт причинения морального вреда, вина причинителя вреда и причинно-следственная связь между действиями ответчика и наступившим вредом¹.

Таким образом, пострадавшему останется только самостоятельно определиться с размером подлежащего компенсации морального вреда. Судебная практика применения абз. 2 ст. 151 ГК РФ достаточно обширна и информативна, в целом дает практическое наполнение всем компонентам, существующим в законе: «при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред».

В частности, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», обзор судебной практики Верховного Суда Россий-

¹ См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.09.2020 г. № 33-16302/2020 по делу № 2-1728/2020. – СПС «КонсультантПлюс».

ской Федерации № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г.) позволяют разобраться с оценочными категориями – «степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства»; «степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина» и др. В любом случае пострадавшему необходимо иметь в виду, что окончательный размер морального вреда, подлежащий компенсации, окончательно определяется судом.

УДК 346.542

О.А. Бакиновская

ТЕНДЕНЦИИ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ НА ОСНОВЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ

Инвестиционный процесс, являясь деятельностью экономической, всегда попадает в сферу правового регулирования, поскольку должен подчиняться определенным «правилам игры» как со стороны государства, так и непосредственно между инвесторами и (или) иными субъектами хозяйствования. Стремительные экономические процессы, обусловленные одновременно глобализацией с одной стороны, и регионализацией с другой стороны, требуют соответствующей реакции со стороны законодателя, задача которого обеспечить понятное, прозрачное и стабильное законодательство, позволяющее сформировать среду, благоприятную для инвестирования. И безусловной проблемой является придание законодательству в сфере инвестиций стабильности, поскольку инвестор заинтересован в сохранении тех условий, которыми он руководствовался при принятии решения о начале инвестирования. Однако данная проблема является сложно выполнимой, поскольку действующее законодательство также должно оперативно реагировать на благоприятные либо неблагоприятные внешние и внутренние факторы в экономике, стимулируя и перераспределяя финансовые, в том числе инвестиционные потоки.

Построение высокоэффективной экономики в Республике Беларусь, основанной на ее устойчивом росте через повышение производительности труда и создания новых рабочих мест, увеличении экспортного потенциала, стимулировании внутреннего потребления, сопровождается корректировкой действующего законодательства, обеспечивающего стабильный гражданский оборот.

В настоящее время представляют интерес с теоретической и практической точек зрения ключевые тенденции частноправового регулирования осуществления инвестиций на основе инвестиционных договоров как основной инструмент, опосредующий осуществление инвестиций.

Одной из формирующихся тенденций современного развития права, на наш взгляд, является взаимное проникновение и тесное переплетение частноправовой и публично-правовой сфер, что, например, проявляется во влиянии публичных интересов на свободу договора, отчетливо прослеживаемое в законодательстве в сфере инвестиций при заключении инвестиционного договора с Республикой Беларусь на основании ст. 17 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях».

Степень указанного влияния можно даже определить как «конфликт» принципа свободы договора и публичных интересов при осуществлении инвестиций в рамках инвестиционного договора с Республикой Беларусь, причинами которого мы видим неопределенность правовой природы последнего и его места в правовой системе.

Доминанта публичного интереса в отношениях, основанных на инвестиционном договоре с Республикой Беларусь, проявляется в ограничении принципа свободы договора, которое должно быть разумным и обоснованным, поскольку несоразмерное ограничение прав инвестора отрицательно повлияет на инвестиционный климат в Республике Беларусь и, соответственно, на приток иностранных инвестиций.

Ограничение свободы договора в законодательстве в сфере инвестиций должно строиться на их формулировании непосредственно в нормативных правовых актах, что позволит исключить возможность различного рода усмотрений в правоприменительной практике, минимизирует риск установления факта ничтожности инвестиционного договора или его оспоримости, обеспечит прозрачность законодательства и единообразие исполнения условий инвестиционных договоров со стороны уполномоченных органов государственного управления.

Значительное влияние на сферу инвестиционных договоров окажет, по нашему мнению, проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» (далее – проект Закона), направленный на кардинальное реформирование норм Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) с учетом практики его применения, закрепление новых институтов гражданского права, унификацию гражданского законодательства государств – членов Евразийского экономического союза. Безусловно, данный проект Закона не устанавливает